

Император до скрежета в зубах стиснул челюсти, не зная, как поступить дальше.

Продолжать упрямиться в таком духе было нельзя. Му Цзыюань бросил взгляд на выглядевшего слабым Муронг Цзиня, затем отвел глаза, опустил ресницы, приподнял полы одежды и с глухим стуком опустился на колени.

— Император, позвольте вашему слуге сказать слово справедливости. В этом деле действительно виноват Ланьэр, и понести наказание — его долг. Я прошу Императора поступить по закону.

Стоило Му Цзыюаню произнести эти слова, как Мужун Лань смертельно испугался. Он на четвереньках бросился к Му Цзыюаню и, плача, принялся трясти его за руку:

— Ой-ой! Дядя, Ланьэр ведь еще ребенок. После этих тридцати ударов палками Ланьэр лишится жизни! Проявите милосердие, дядя, умоляю, спасите Ланьэр!

— Когда ты толкал вана, неужели ты не думал, что этот твой толчок может лишить вана жизни?

Гневный вопрос Му Цзыюаня заставил Мужун Ланя лишиться дара речи. Плаксиво надув губы, Мужун Лань лишь после этого осмелился тихо пробормотать:

— Ланьэр знает, что был неправ, прошу дядю не сердиться, Ланьэр больше никогда так не посмеет.

— Прошу Императора восстановить справедливость для вана. — Му Цзыюань больше не смотрел на жалкое заплаканное личико Мужун Ланя и с холодным, жестким выражением лица уставился на Императора, требуя от него беспристрастного исполнения закона.

На душе у Императора было беспокойно. Решимость Му Цзыюаня вызывала у него раздражение, но поделать он ничего не мог.

— Давайте поступим так: Ланьэр уже понял, что был неправ. Наказание в виде тридцати ударов палками и впрямь слишком тяжелое, давайте каждый уступит понемногу — как насчет пятнадцати ударов?

Это уже был предел для Императора. Если Су Юй продолжит гнуть свою линию, он опасался, что дело дойдет до взаимного уничтожения.

Су Юй все-таки был современным человеком, пришедшим из другого мира, а потому отлично умел читать по лицам. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять: пятнадцать ударов — это абсолютный предел для Императора.

Все, чего он добивался, — это запугивать противника, а ссориться с Императором окончательно он пока не хотел. Поэтому настаивать дальше он не стал. Слегка недовольно кивнув, он произнес:

— Ради Императора — так уж и быть, пусть будет пятнадцать ударов!

Только после этого Император немного успокоился. Однако следующая фраза Су Юя едва не заставила его подпрыгнуть на месте от злости.

— Вот только за этими пятнадцатью ударами я должен наблюдать лично. Иначе у меня испортится настроение, а когда у меня испортится настроение, я люблю поболтать перед отцом-императором.

Император глубоко вздохнул и с ненавистью уставился на Су Юй. Долгое время он подавлял бушевавшую внутри ярость, а затем проскрежетал сквозь зубы:

— Эй, стража! Принести орудия наказания!

Мужун Лань никак не ожидал, что на этот раз он попадет в ловушку к какому-то никому не известному наложнику-мужчине. Однако сейчас было не время для мести, ему следовало срочно придумать, как избежать этого наказания.

Мужун Лань пустил в ход все хвалебные слова, выученные в учебной комнате, даже вытирал слезы обеими руками, всячески жалуясь на судьбу и вызывая жалость. Однако Император и Му Цзыюань оставались глухи и слепы к его мольбам, пока его голос окончательно не охрип.

Наказание в конце концов свершилось. Хрупкое тельце Мужун Ланя с трудом выдержало девять ударов, после чего он потерял сознание.

Вскоре пятнадцать ударов были полностью завершены. Стражники осторожно вынесли потерявшего сознание Мужун Ланя, а расторопные служанки принялись убирать оставшиеся на земле следы крови.

Наказав зарвавшегося мальчишку, Су Юй почувствовал себя невероятно свежо и бодро. С лучезарной улыбкой на губах и с невероятно наглым видом бросив «Благодарю Императора», он под предлогом того, что Мужун Цзиню требуется спокойный отдых из-за плохого самочувствия, развернул кресло-коляску и триумфально удалился.

Император холодным взглядом окинул спину удаляющегося Су Юя, после чего приказал служанкам и евнухам, толпившимся рядом, удалиться.

В огромном дворце в мгновение ока остались только Император и Му Цзыюань.

— Цзыюань, ты только что вернулся с границы, прошел через столько тягот в дороге, должно быть, ужасно устал! Как насчет того, чтобы устроить пир в твою честь через три дня? У тебя будет время как следует отдохнуть.

Тон Императора был мирным, в нем не было и следа той мрачности, с которой он разговаривал с Су Юем. Если прислушаться внимательно, можно было даже уловить скрытые в его голосе эмоции.

Му Цзыюань ответил равнодушно:

— Как и сказал Император, ваш слуга действительно устал и нуждается в хорошем отдыхе. Не смею больше беспокоить Императора, ваш слуга удаляется.

С этими словами, не дожидаясь ответа Императора, Му Цзыюань повернулся и вышел, толкнув дверь.

Его уход был столь стремительным и внезапным, как и его появление.

Император замер на мгновение, прежде чем прийти в себя.

— Ха! — фыркнул он, схватил лежавшую под рукой тушечницу и швырнул ее на пол.

— Почему? Почему вы все можете любить Мужун Цзиня? Отец-император таков, и ты тоже!

Бормоча сам с собой, Император покраснел глазами, на лбу у него вздулись вены.

Он никак не мог понять: разве они оба не принцы? Разве оба не были одинаково талантливы и красивы лицом? Почему все они благоволят Мужун Цзиню? А ему самому не достается ничьей заботы и любви?

Только ли потому, что Мужун Цзинь родился от законной жены, а он — от наложницы?

Он не смирился. Он совершенно с этим не смирился!

Все, что принадлежит Мужун Цзиню, он отберет обратно: и отца-императора, и Му Цзыюаня! Все это его, все до последнего принадлежит ему!

Император сделал несколько глубоких вдохов подряд, чтобы кое-как подавить бушующую внутри ревность, медленно вернулся на свое место и принялся массировать начавшие пульсировать виски.

...

В карете Су Юй с опозданием ощутил накативший страх, и ноги у него заметно задрожали. Если бы не сиденье под ним, он бы, пожалуй, распластался на полу.

Мужун Цзинь, наблюдавший за столь резкой переменой в поведении Су Юя, невольно усмехнулся.

— Раз тебе так страшно, зачем же ты торговался с Императором?

— Я ведь все это делаю ради тебя, а ты еще имеешь совесть меня упрекать!

Су Юй ухватился за поручень кареты, только так спасаясь от того, чтобы его не выбросило со своего места на ухабах.

— Спасибо тебе! — тихо произнес Мужун Цзинь.

Он впервые в жизни говорил кому-то спасибо, поэтому чувствовал себя немного не в своей тарелке.

Су Юй был полностью сосредоточен на том, чтобы удержать равновесие, и вовсе не расслышал, что сказал Мужун Цзинь.

— Говори громче, я не расслышал, что ты сказал.

Сказав это, Су Юй только теперь сообразил, что Мужун Цзиню нездоровится, а потому у него наверняка нет сил говорить громко.

Поразмыслив немного, он решил пересесть поближе к Мужун Цзиню, чтобы расспросить, что именно тот произнес.

Поджав губы, Су Юй поднялся, опираясь на поручни, перешагнул на противоположную сторону, устроился рядом с Мужун Цзинем и приблизил голову к его губам:

— Повтори еще раз!

Оказавшись так близко, Мужун Цзинь заметил, что кожа у Су Юя белая и нежная, поры стянутые, без единого изъяна. Вдыхая исходящий от него легкий аромат сандала и глядя на его сосредоточенный профиль, Мужун Цзинь испытал невиданное прежде чувство полноты бытия. Уголки его губ изогнулись, и он, словно одержимый демонами, единым движением притянул Су Юя в свои объятия.

Голова Су Юя резко уткнулась в твердую грудь, и сердце испуганно и неконтролируемо сжалось пару раз.

— Ван... только что сказал спасибо тебе.

Голос Мужун Цзиня был низким, а теплое дыхание, овевавшее ухо Су Юя, легким перышком щекотало его сердце, вызывая в груди сладкий зуд.

<http://bllate.org/book/20005/1973591>